

Вернувшись после холодного купания, Мо Ле обнаружил, что Мо Шуй уже сладко спит. Спится тому всегда беспокойно: он намертво вцепился в чужое одеяло, уткнувшись в него с головой, так что снаружи торчал лишь кончик носа, тихо ловивший воздух. Присев на край кровати, Мо Ле попытался осторожно потянуть ткань, чтобы получше укрыть любимого, но тот держал одеяло в мёртвой хватке — должно быть, во сне принял его за самого Мо Ле.

Каждый день ближе к вечеру Мо Шуй ластился к нему и упрямо требовал спать вместе. Но почему-то каждое утро неизменно просыпался в собственной постели. Мо Шуй часто на это жаловался, не в силах взять в толк, как так выходит.

Мо Ле знал причину, но молчал. Эта тайна проклятием висела над Поместьем Заоблачных Высей — она стала незаживающей раной самого Мо Ле и их общей глубокой болью.

Глядя на сладко спящего Шуя, Мо Ле невольно улыбнулся. Однако брови юноши вдруг дрогнули и болезненно сдвинулись к переносью. Что за сон тревожил его? Его Шуй всегда оставался беспечным и чистым, словно дитя. Лишь в те мгновения, когда пробуждалось то его воплощение, на лице юноши неосознанно появлялась тень страха.

Мо Ле не мог спокойно смотреть на эту затаённую боль. Он слегка качнул Мо Шуя за плечо:

— Шуй-эр, проснись... Просыпайся.

Он попытался развеять его тревогу привычной лаской:

— Вставай, соня, пора есть курицу в медовой глазури...

Морщась от света, Мо Шуй медленно разомкнул веки. Взгляд его тёмных, чистых глаз был туманным лишь мгновение, после чего в них не осталось ничего, кроме звенящей, отстранённой прохлады.

Мо Ле замер, поражённый.

«Неужели он пробудился?»

Нет, этого просто не могло быть. Обычно та, вторая сущность Мо Шуя являлась лишь под покровом ночи. За целый год врачевания Мо Ле так и не удалось добиться существенных сдвигов, но с чего бы болезни проявлять себя прямо посреди дня?

В душе Мо Ле бушевала буря. С одной стороны, он страстно желал, чтобы Мо Шуй вернулся к своему прежнему облику — стал тем самым гордым, сдержанным и холодным человеком, который провёл подле него больше десяти лет. С тех самых пор, как десятилетний Мо Шуй спас его, дал кров и обучил всему, Мо Ле всем сердцем любил этого отстранённого от внешнего мира юношу. Он никогда не корил его за холодность, прекрасно понимая: лишь

суровые обстоятельства заставили Мо Шуя выстроить вокруг себя эти ледяные стены.

И Мо Ле был для него особенным. Но этого казалось мало.

Ощувив за последний год вкус новой жизни — рядом с чистым, искренним и не ведающим печалей Мо Шуем, — Мо Ле отравился этим ядом. Он отчаянно жаждал, чтобы его Шуй навеки остался таким же доверчивым, чтобы в его глазах больше никогда не появлялись одиночество и отчуждение. Он хотел слишком многого, а времени прошло слишком мало. Мо Шуй ещё не был готов вернуть свою память — это стало бы слишком жестоким испытанием для них обоих.

Цепляясь за последнюю надежду, Мо Ле попытался скрыть тревогу:

— Шуй, ты проснулся? Пойдём обедать. Помнишь, утром ты так просил курицу в медовой глазури?

Он молился, чтобы его догадка оказалась ошибкой. Будь перед ним дневной Мо Шуй, тот бы уже с радостным пискom бросился ему на шею, требуя обещанное лакомство.

Но юноша повёл себя совершенно иначе. На миг замешкавшись и осознав, что лежит на кровати Мо Ле, он лишь бесстрастно откинул одеяло, поднялся и принялся одеваться. Лишь в первую секунду пробуждения, когда его взгляд упал на Мо Ле, в глубине тёмных глаз мелькнула изнывающая затаённая радость. В остальном же его лицо оставалось непроницаемой гладью.

Мо Шуй с юных лет привык к одиночеству. Даже когда маленького Мо Ле только привели в поместье и тот непрестанно плакал, Мо Шуй провёл с ним лишь одну ночь, чтобы успокоить. Мо Ле оставался единственным человеком во всём мире, делившим с ним ложе, — именно поэтому тот был свято уверен в своей исключительности для Мо Шуя.

И он не ошибался. В сердце Мо Шуя действительно жил только один человек — Мо Ле. Лишь он один обещал быть рядом до самого конца. Когда-то давно Мо Шуй, пренебрегнув чужими возражениями, назвался его названным отцом, искренне полагая, что так их связь станет вечной. И даже потеряв память из-за яда, он забыл обо всём на свете, кроме одного: Мо Ле принадлежит ему.

Однако Мо Ле о том не ведал: Мо Шуй никогда не открывал своих чувств, наивно полагая, что тот понимает всё без слов.

— Сегодня на обед курица в медовой глазури? — тихо спросил Мо Шуй. — Разве я люблю её?

Он не помнил, чтобы говорил нечто подобное, но раз Мо Ле утверждает — значит, так оно и есть.

С тех пор как в его кровь проник яд «Забвение Пыли», Мо Шуй стал пробуждаться лишь по ночам. Со временем он догадался, что дневная сущность разительно отличается от него настоящего. Ловя на себе странные, полные сомнений взгляды Мо Ле, он всё чаще задавался горчайшим вопросом.

«Неужели и Ле я больше не нужен? Неужели ему мил лишь тот, дневной?»

От этой мысли сердце Мо Шуя отозвалось резкой, пронизывающей болью.

— Ты ещё не пробовал её, Шуй, — мягко произнёс Мо Ле. — Но я уверен, она придётся тебе по вкусу.

В прошлый раз в Терем Хмельного Золота он водил дневного Мо Шуя, а этот, настоящий, вряд ли когда-либо баловал себя подобными изысками. Заметив, как в глазах юноши мелькнула тень печали, Мо Ле почувствовал острый укол вины. До чего же он бесполезен! Дело было вовсе не в гордости Мо Шуя — просто сам Мо Ле за все эти годы так и не смог подарить ему достаточно тепла. Насколько же одиноко было его любимому!

Каким бы ни был Мо Шуй, он оставался его единственным и бессменным сокровищем.

Мо Ле осторожно сжал изящную ладонь юноши. Тот не стал вырываться, и сердце Мо Ле затопила тихая радость. Что бы ни происходило, для Мо Шуя он всегда останется самым близким человеком.

Когда они вошли в столовую, Ли Сяосяо как раз вносила блюдо с исходящей паром курицей.

— Османтусовый Коржик, принеси ещё одну пиалу и палочки, — ровным голосом распорядился Мо Шуй. — Ле поест с нами.

Ли Сяосяо не уловила никакой перемены и с радостным щебетом убежала на кухню. А вот Мо Ле едва не лишился дара речи, с изумлением уставившись на юношу.

Он... он назвал её Османтусовым Коржиком?

Но ведь это прозвище придумал дневной Мо Шуй! Прежний, настоящий Мо Шуй никогда бы не опустил до подобного обращения.

«Неужели он начинает помнить то, что происходит днём? Неужели обе его сущности постепенно сливаются воедино?»